

АННА
ПЛАТУНОВА

НАТАЛЬЯ
ШНЕЙДЕР

The background of the cover is a vibrant illustration of a young man and woman in a magical forest. The woman, in the foreground, has long dark hair and is smiling, wearing a dark brown dress with a white collar and decorative buttons. The man, behind her, has dark curly hair and is also smiling, wearing a dark, ornate jacket. The forest is filled with glowing blue and green magical particles and light rays, creating a mystical atmosphere. In the background, there are hints of a village and mountains.

**МАГИЧЕСКАЯ
ПРАКТИКА**

ПРОЙТИ

И ~~НЕ~~

ВЛЮБИТЬСЯ

Анна Платунова

**Магическая практика.
Пройти и (не) влюбиться**

«Автор»

2024

Платунова А. С.

Магическая практика. Пройти и (не) влюбиться /
А. С. Платунова — «Автор», 2024

Этот гад долго не давал мне жить спокойно - и наконец сорвал юбку при всем честном народе! А теперь нас поставили напарниками на практику. Не пройдем — вылетим из академии. Как бы нам не убить друг друга?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Шнейдер, Анна Платунова

Магическая практика.

Пройти и (не) влюбиться

Глава 1

Габи

Я долго терпела этого выскочку Леона. С того самого дня в библиотеке, когда я впервые увидела его и чуть не пришибла, я сказала себе: «Габи, мало ли на свете придурков! Жизнь слишком коротка, чтобы тратить на них свое время и свои нервы. А тебе во что бы то ни стало надо доучиться!»

Вот я и училась, изо всех сил игнорируя эту самодовольную рожу и выющихся вокруг красавчика Леона девчонок. К счастью, пересекались мы с ним только в библиотеке, в коридорах да порой на общих лекциях вроде истории магии. Моей специализацией была боевая магия, специализацией Леона — бытовая.

Да-да, я сама офигела, когда поняла, что эта двухметровая орясина — будущий бытовой маг. Смешно, аж живот надорвешь. Хотя, если разобраться, все становится понятно: богатому наследнику вовсе не обязательно надрываться на тренировках, как боевикам, или зубрить ночами напролет, как целителям, можно пойти на самый непыльный факультет и радоваться жизни, преотлично устроившись в цветнике. Ведь на бытовой обычно поступают девушки. А диплом об окончании будет тот же самый — диплом выпускника Академии Ауром Кастеллум.

В то время как я с утра впахивала на полигоне, а по вечерам после занятий подрабатывала, лишь бы продержаться на плаву, Леон прекрасно проводил время, меняя девчонок как перчатки. Уверена, он и имена-то их не запоминал.

Хотя какое мне дело до его любовных утех? Вот правда! Век бы не видеть эту смазливую физиономию. Да только Леон, как назло, так и лез на глаза.

А в то злополучное утро, когда все и произошло и моя жизнь совершила неожиданный кульбит, он не просто лез на глаза, он буквально лез мне под юбку!

Клянусь, в том, что случилось, нет и десятой части моей вины!

С самого начала день пошел не по плану. Я проспала. Вымоталась вечером в трактире, где подрабатывала подавальщицей, вернулась за полночь. В то время как я носилась туда-сюда с тарелками и кружками, Браейн, мой однокашник, восседал на табурете у входа с гордым видом. Изо всех сил изображал грозного вышибалу.

Вид у Браейна действительно был внушительный, а то, что он зачет по боевым закланиям сдал с третьего раза, хозяина не интересовало. Трактирщик предпочел нанять охранником его, а не меня — хрупкую на вид девушку. Обидно, хоть я и привыкла. Я понимала, ради чего стараюсь: вместе с дипломом мага-боевика выпускник получал личное дворянство, неплохие подъемные и гарантированное распределение, а вместе с ним и неплохое жалование. Однако никто не обещал, что окончить факультет и получить в итоге свиток с печатью академии будет легко. Далеко не все студенты добирались до пятого курса, а особенно девушки.

Я проспала и хотела сразу бежать на лекции, но желудок запротестовал громким урчанием. Я пересчитала вчерашнюю выручку. Пять медяшек отложила, чтобы отправить тетке, присматривающей за сестренкой, и себе оставила пять. Негусто, но на завтрак и обед должно хватить.

— Привет, Габи! — улыбнулась Полли, стоящая на выдаче. — Сегодня вкусная овсянка. Чуть жидковата, но зато на молоке.

— Давай! — махнула я рукой. — И компот.

Я водрузила на поднос свой нехитрый завтрак, издалека заприметила свободное местечко за столиком у стены и отправилась к нему прямой наводкой, не глядя по сторонам.

А надо было смотреть!

Обычно я держусь от Леона подальше. От его ухмылочек и глупых шуточек, которыми он время от времени пытается меня доставать. Видать, с недосыпа потеряла бдительность.

Шла я, никого не трогала. Предвкушала завтрак. Тут-то все и произошло!

Сначала раздался хруст. И мгновенно, без предупреждения, с меня сдернули юбку!

Ну как сдернули — попытались. Рефлексы сработали быстрее. Я схватилась за юбку и выпустила из рук поднос, который тут же перевернулся в воздухе, тарелка нахлобучилась прямым на темечко Леона, почему-то сидящего на полу, а после медленно, будто нехотя, сползла, оставляя потеки каши на каштановых волосах и отутюженной франтоватой форме бытового факультета.

Это только описывать долго, на самом деле происшествие заняло пару секунд.

Юбка ползет вниз. Бамс! Каша на голове Леона!

Случайные свидетели грохнули от хохота. Мне же было совсем не смешно. Да и Леону, судя по всему, тоже. Еще бы: красавчик, всеобщий любимчик в таком нелепом положении. Но ведь сам виноват?

Карие, обычно насмешливые глаза налились яростью. Мне показалось, что он меня стукнет, и дальше я действовала на инстинктах...

В стенах академии применять боевые заклятия категорически запрещено. На учебных полигонах, где мы тренируемся, стоят защитные магические экраны, чтобы никто не пострадал. В столовой таких экранов не было.

Сама не поняла, как кинула в Леона заклятие «разрывающий хаос». Оно первым пришло на ум, так как мы изучали его буквально на прошлой неделе.

В последний момент опомнилась, ухватила заклятие за хвост, пытаюсь забрать часть силы, но опоздала. Заклятие встретилось лоб в лоб с заклятием, которое бросил Леон! Боевым, между прочим! Откуда у бытовика такие знания? Он кинул в меня «тенивое поглощение», чтобы спеленать, будто младенчика.

Вот так неожиданно-негаданно мы вступили в магическую дуэль. Между прочим, строго запрещенную кодексом академии. После такого — только исключение. Мамочки!

Силы схлестнулись. Студенты, кто посообразительней, мгновенно выставили щиты. Другие попадали на пол. В замкнутом пространстве, да еще окруженная со всех сторон щитами, магия плеснула в прорехи в силе, как вода, прорвавшая плотину.

С грохотом переворачивались столы. Падала на пол и со звоном билась посуда. Взорвались окна, и осколки устремились во все стороны. Кого-то, кто не успел выставить защиту, посекло...

Нас с Леоном отбросило друг от друга. Этого верзилу протащило по полу, меня же сила приподняла в воздух и шваркнула об стену.

Здравствуй, обморок! Прощай, Академия...

Глава 2

Леон

Ректор снял очки, подслеповато прищурился и стал похож на расстроенного дядюшку. Когда-то именно с таким лицом он ругал меня за испорченную клумбу, а потом обещал не выдавать родителям, чтобы они не переживали. Что-то сделал с магией, и цветы подняли поникшие головки, а через четверть часа клумба выглядела так, словно я и не слетал в нее вместе с обломившейся веткой яблони.

Вот только сегодня я очень сомневался, что дядя скажет, как тогда, дескать, мальчишки должны шалить, на то они и мальчишки. В животе скрутился холодный узел, а воротничок форменного кителя впился в горло. Мне захотелось оттянуть его пальцем, но пришлось стоять навытяжку, сверля нобиле Вистранте взглядом примерного студента.

И даже зеленоватый оттенок лица безродной выскочки не радовал. Ей-то терять нечего: из того трактира, где она тарелки разносит, не выпрут.

— Пять разбитых окон, — начал перечислять ректор сухим бухгалтерским тоном. — Два десятка сломанных столов и сотня разбитых тарелок и чашек...

— Я компенсирую, — вставил я.

— Отрезанное ухо раздатчицы...

— И оплату услуг целителя.

Ректор вернул очки на нос, глянул на меня поверх них так, что впору было провалиться сквозь пол, и спросил:

— Разве нобиле Фальконт не урезал ваше содержание?

А вот это был удар ниже пояса.

— Прошу прощения, нобиле Вистранте, но это не имеет...

— Мне здесь решать, что имеет отношение к делу, а что нет, — припечатал он. Поднялся, опираясь на стол. Как он умудрялся, будучи ниже меня на голову, смотреть сверху вниз? — Мне надоела ваша парочка!

— Мы не... — пискнула выскочка и заткнулась на полуслове под взглядом ректора.

— Мне надоело выслушивать жалобы! Студент Фальконт, вы нобиле, а ведете себя как пьяный виллан, который выражает симпатию к девушке, с размаха хлопая ее по мягкому...

— Что? — взвился я, на миг забыв даже, что надо молчать, со всем соглашаться и молиться, чтобы меня не выперли из академии. — Симпатию? К этой?! Этой... Да это она!..

— Что она? — вкрадчиво поинтересовался ректор.

Я прикусил язык. Конечно, эта выскочка мне три года проходу не дает — вот уж кто не умеет выражать симпатию! Но мужчина, который оправдывается, обвиняя девушку, жалок, а я и так сегодня выставил себя на посмеище. Надо ж было этой кардисовой ножке подломиться, когда я плюхнулся на стул! Узнаю, кто из девчонок последней дежурила по кухне, засуну ей эту ножку!.. Надо ж было мне, падая, схватиться не за что-нибудь, а за юбку этой ненормальной!

— Кто первый потянулся к магии? — Ректор перевел тяжелый взгляд с меня на выскочку.

Снова захотелось поправить врезавшийся в горло воротник, но я только сглотнул. Магическая дуэль в стенах академии — исключение с волчьим билетом. И тогда отец все же исполнит свою угрозу. Да кардис с ним, с состоянием, не пропаду, но он ведь и из книги нобилей меня вычеркнет, сделав простолюдином!

— Кто. Первый. Потянулся. К магии, — повторил ректор.

Пришлось признаваться.

— Я.

Хотел спеленать ее, пока эта ненормальная столовую не разнесла, как тогда библиотеку!

Ну скажите на милость, будет нормальная девушка, услышав: «Дорогуша, подай атлас домовых заклинаний», швырять этот самый атлас в голову попросившему? Ну хорошо, хорошо, сперва она огрызнулась, а я сказал, что девица должна быть вежливой и покладистой, иначе замуж не возьмут. Сущую правду, между прочим, сказал! Затем ведь она и в университет поступила, разве нет? Всем же ясно, что все эти программы поощрения талантов из простонародья — на самом деле лишь способ влить немного свежей крови в кровь нобилей, дабы избежать близкородственных браков.

И это вовсе не повод ронять библиотечный шкаф! Шкаф-то я успел поймать, чтобы никого не прибил, а вот книги...

— Я, — прошептала одновременно со мной выскочка.

Я не удержался — посмотрел на нее. Зеленая, губы дрожат, того и гляди в обморок хлопнется от страха. Да из нее боевик такой же, как из меня бытовик!

Ректор усмехнулся. Не торопясь опустился за стол и потянулся к бумаге.

— Значит, пишу два приказа об отчислении.

— Я компенсирую, нобиле Вистранте, — повторил я. — В конце концов, посуду и стекла я и сам восстановить могу. И готов заплатить целителю.

Займу у кого-нибудь, там разберемся. «Ни к чему не годный бездельник! — словно наяву прозвучал в голове голос отца. — Мне стыдно, что я вырастил такого сына!»

Сейчас я действительно готов был собирать все тарелки по осколочку, только бы не вылететь из университета.

Да что там, незачем врать самому себе, я был готов на что угодно, лишь бы не вылететь из университета! Но ведь эта выскочка всем растреплет, что наследник — пока еще наследник — древнего рода Фальконтэ унижался, упрашивая дядю не выгонять его, а ректор, представитель другого древнего рода, совершил должностной проступок, оставив племянника без наказания. Еще и насочиняет от себя наверняка, и все будут говорить, что экзамены я до сих пор сдавал только благодаря протекции дяди.

Так что пришлось молчать. Хотя меня никто и не собирался слушать.

— А вы что скажете, мастра Ардженте? — спросил ректор.

— Мне нечем компенсировать, — прошептала она, и видно было, что вот-вот разревется. — Но у меня «отлично» по военно-полевому целительству, и я...

— Неужели вы полагаете, что я оставил бы работницу университета без помощи целителя? Раздатчице ухо прирастили еще до того, как вы пришли в себя.

Глаза выскочки налились слезами. Вот вроде радоваться я должен, что она получит наконец по заслугам, а на душе почему-то стало мутно.

— Нобиле Вистранте. — Я вздернул подбородок и распрямил плечи. — Я действительно начал первым. Я случайно сдернул с мастры Ардженте юбку и первым потянулся к магии, спровоцировав...

— Так пусть не провоцируется! — рявкнул ректор. — Вы, мастра Ардженте, боевой маг или базарная торговка? А вы, нобиле Фальконтэ, в самом деле виллан, ради развлечения срывающий с девушек юбки!

Он отложил перо. Пауза затягивалась.

— Исключительно уступая просьбе вашего декана, мастра Ардженте, — сказал ректор. — Исключительно из уважения к вашей семье, нобиле Фальконтэ. Через две недели у вас начинается практика.

Воротничок перестал впиваться в горло. Пронесло! Кажется, пронесло!

— Без подписанного отчета о которой вас не допустят к сессии.

Ерунда! Я еще месяц назад договорился в центральной библиотеке. Немного поулыбаться, парочка дежурных комплиментов. Директриса была вне себя от счастья, что такой «обаятельный молодой человек не боится поступать наперекор мнению общества» и «согласен

разбавить их чисто дамский коллектив». Девушки — всегда девушки, им нравится заботиться о парнях, природа у них такая, пролетят три месяца практики — и не замечу.

— У нас снова запрос из гарнизона Вальтремо на боевого мага-практиканта.

Отличное место для выскочки! Ссылка на три месяца в редкую глушь. Посидит, подумает о смысле жизни и подобающей приличной девушке скромности. Прямо-таки представляю, как она стоит в дозорной башне и от скуки пересчитывает по хвостам бродячих собак.

А если мне повезет, какой-нибудь парень, оголодав в этой глуши без общества, втрескается в нее и сделает предложение. Она так-то ничего — косища с руку, глазищи на пол-лица. Будет вести себя прилично, кто-нибудь точно решит приударить. Главное, чтобы она не учудила, как тогда на полигоне...

Я настолько размечтался, как наконец избавлюсь от этой занозы в мягком месте, что едва не пропустил следующие слова ректора.

— К боевому магу в сопровождение придается студент бытового факультета в качестве денщика.

Замечательный способ пристроить безродных быто...

Что?!!

Глава 3

Габи

В дилижансе воняло луком, пóтом и перегаром. Леона, сидевшего напротив меня на узкой деревянной скамейке, с одной стороны подпирал пьяненький мужичок, с другой — дородная селянка. Мужичок все пытался примостить голову на плечо наследнику древнего рода, селянка то и дело задевала его корзиной. Леон хранил стоическое спокойствие, и только трепет аристократических ноздрей да излишне крепко стиснутые челюсти выдавали его истинные чувства.

Это была уже третья пересадка за сегодня. Ранним утром экипаж Академии добросил нас до ближайшей почтовой станции, где мы загрузились в дилижанс до Краута, последнего крупного города на пути к месту назначения, и уже оттуда выдвинулись в сторону деревушки Вальтремо, где стоял гарнизон.

Настоящим наслаждением стало наблюдать за встречаей Леона с реальным миром. Этот пижон утром усаживался в казенный экипаж в начищенных до блеска туфлях, острые уголки воротника едва не врезались в подбородок, галстук повязан каким-то щеголеватым узлом, из кармана сюртука выглядывал белейший носовой платок.

— В театру собрались? — подмигнул возница. — Что дают нынче?

Пожилой фореитор, который на своем веку повидал именитых нобиле больше, чем их заседает в королевском совете, субординации давно не соблюдал.

Я прыснула в кулак, Леон надменно покосился в мою сторону. Нервно снял с рукава невидимую пушинку.

К тому часу, когда мы расположились на обед в придорожном трактире Краута, пижонские туфли были безнадежно заляпаны глиной, галстук съехал набок. Леон то и дело очищал брюки от грязи заклитием чистоты. Однако надо отдать ему должное — высокомерное выражение ни разу не покинуло его смазливого личика.

Едва мы приземлились за столом, Леон как ни в чем не бывало принялся расточать улыбки девушкам-подавальщицам. Дурехи-то и рады, запорхали вокруг, защебетали: «Ах-ах, господин, чего изволите? Ах-ах, откушайте солянки! Ах-ах, давайте мы вам скатерочку подстелем!» Тьфу, смотреть противно! Леон царственно позволял себя облизывать.

Столь же отвратительно он вел себя в библиотеке, в день нашего неудачного знакомства. Готовился к семинару он так — восседал на кресле в центре зала и раздавал указания однокурсникам. Ты, мол, принеси чернил и бумаги, ты — притащи из кофейни булок, а ты — это он мне, если что! — подай атлас домовых заклинаний. Понятно: перепутал меня, боевого мага, с очередной своей воздыхательницей.

Я игнорировала раз, другой, но его царственное величество не унималось. Принялся меня поучать, мол, замуж такую строптивницу никто не возьмет. Во-первых, не очень-то и хотелось! А во-вторых, кто ты такой, чтобы давать непрошенные советы. Я любезно просила его заткнуться, и разошлись бы миром, если бы не одна небрежно брошенная фраза.

— Девица должна быть вежливой и покладистой! — Хлыщ нравоучительно поднял вверх палец, ни дать ни взять священнослужитель в храме Семи Отцов. — И чему вас только родители учили? Таких бы родителей самих...

Тут у меня, как говорится, забрало-то и упало! Опомнилась посреди хаоса — перевернутых стульев и разбросанных книг. Этот свинтус посмел оскорбить память моих дорогих родителей, в то время как их могилы еще не успели...

«Так, Габи, соберись! Опять глаза на мокром месте!»

Леон уставился на меня — я устроилась за соседним столом с горшочком щей из квашеной капусты — и широкая улыбка увядала на его лице. Взгляд красноречиво вопил: «Вот он, источник моих бед!»

Да будь моя воля, я бы этого горе-напарника оставила в Академии, еще бы и денег доплатила, чтобы не ездил! Увы, денег у меня не было, а моего мнения никто не спрашивал. Придется стиснуть зубы и терпеть.

В Крауте мы пересели в заполненный под завязку дилижанс, скрипевший на поворотах так, будто он проклинал набившихся в него людишек.

К счастью, с каждой новой остановкой пассажиров становилось все меньше. В ту глушь, куда ректор отправил нас по распределению, ехали, похоже, только мы с Леоном да тот самый пьяненький мужичок — мы остались одни после дорожной станции у села Пичилья. До гарнизона тащиться еще часа два.

Леон встал, повел плечами, разминаясь. Пьяный сосед немедленно грохнулся на лавку, растянулся во весь рост и захрапел. Леону ничего другого не осталось, кроме как переместиться на свободное место — то есть ко мне.

Сел он, однако, на противоположный конец лавки и впервые за дорогу неожиданно заговорил:

— Вид у вас бледноватый, мастра... как там... Ардженте.

Леон был бы не Леон, если бы не выдал очередную гадость.

— Да и у вас, нобиле Фальконтэ, не сказать чтобы был цветущий вид, — невозмутимо парировала я. — Видно, долгая дорога вас утомила. Вы не привыкли к трудностям. Ну ничего, я разрешу вам как следует отдохнуть, прежде чем вы приступите к своим обязанностям... денщика.

Леон аж подавился. Вытянулся, точно аршин проглотил. Сидит, глазами хлопает. Любо-дорого посмотреть! Он что же, думал, я не знаю, какие обязанности бытовики исполняют при боевых магах?

Леон открыл рот, закрыл — впервые бедняжка не нашелся, что ответить. Я же глядела на него с милой, невинной улыбкой.

— Ну как не помочь доблестному магу на боевом посту! — Леон наконец совладал с собой и вернул себе беспечный вид. — Места дикие, опасные. Гарнизон на границе с пустошью, а ведь именно здесь развернулась последняя битва с Кардисом Мортэ. С тех пор разная дрянь и лезет с безжизненных земель...

— Ерунда, — нерешительно сказала я: про последнюю битву с великим темным магом я знала немного, историю магии никогда не любила. — Там уже лет сто тихо и спокойно.

— Да? А гарнизон там для красоты разместили? Боюсь, вы многого не знаете, малютка Ардженте.

— Еще раз назовете меня малюткой!.. — угрожающе прошипела я, сложив пальцы в первую боевую позицию.

— Ладно, ладно. — Леон примирительно поднял ладони. — Однако я просто обязан провести небольшой экскурс в историю, чтобы вы знали, с чем предстоит иметь дело.

И Леон выдал мне таких отборных ужасов про проклятого темного мага, что я от страха вжалась в стену дилижанса. Как назло, стемнело, из леса доносились отчаянные птичьи вопли — что за дикие птицы водятся в этих местах? — рессоры стонали, как проклятые души, а Леон все сгущал и сгущал краски. Я будто воочию видела перед собой несчастных жертв темных экспериментов — с отрубленными руками, со звериными головами вместо человеческих. Ужас!

— Все это было очень давно, — пробормотала я, борясь с тошнотой. — Его убили, похоронили и забыли, где его могила! Он не вернется!

— Конечно, нет, — осклабился Леон, но так похабно, будто на самом деле хотел сказать: «Кто знает, малютка, кто знает!»

— Приехали! — крикнул возница.

Я поскорее схватила саквояж, распахнула дверь и, не дожидаясь, пока спустят лестницу, сиганула с высоты. Ноги по щиколотку провалились в жидкую грязь.

Пока я, ругаясь себе под нос, пыталась выдернуть сапоги из хляби, мимо продефилировал Леон, небрежно обойдя меня по кромке лужи.

— Помочь?

— Сама справлюсь!

Я вовремя вспомнила о заклятии «твердь» и выбралась из ловушки. Огляделась. Прямо передо мной возвышался хлипкий деревянный навес — вот и вся дорожная станция Вальт-ремо. В темноте кое-где горели лучины в окнах приземистых домишек. В этих местах мало кто использовал магические светильники — обходились по старинке. И где-то там, за полем, располагался гарнизон, куда нам с Леоном нужно явиться и представиться, как полагается.

Я мысленно застонала, представив, как мы тащимся по разбитой дороге в темноте. Впрочем, почему в темноте? Я выпустила с руки шар-огневик, который всплыл над головой и осветил пространство, как маленький фонарь.

Ухабы. Лужи. Покосившиеся штакетники. Пьянчужка, что давеча дрых в дилижансе, теперь растянулся под навесом.

Удаляющаяся спина Леона.

— Эй, мал... мастра Ардженте, догоняйте!

Глава 4

Леон

Денщиком! Я, наследник древнего рода, вынужден стать денщиком у безродной выскочки! Удружил дядя, ничего не скажешь. Я проглотил ругательство, неизвестно которое подряд за прошедшие недели. Сколько я ни пытался напомнить себе, что благородный муж должен уметь смириться с тем, что невозможно изменить, смириться не получалось.

— И не забывай, что первым отчет о практике подписывает напарник, и без этой подписи документ дальше не пойдет, — напомнил ректор, когда дверь кабинета закрылась за спиной выскочки.

«Формирование навыков коллективной работы» — кажется, так на боевом объясняли эту нелепость. Дескать, если ты с одним бытовиком сработаться не можешь, то какой из тебя будущий командир. Бытовикам же говорили, что наниматели бывают разные, и, как бы они себя ни вели, неразумно обрушивать крышу на вредного заказчика. Хотя, готов поспорить, половина боевиков никогда не окажется на поле боя, три четверти бытовиков никогда не станут работать по найму. Просто девушки с дипломом выше ценились на рынке невест.

— Так что в твоих интересах вспомнить, как должен вести себя настоящий аристократ.

— Дай-ка подумать, — не удержался я. — Чистить простолюдинке ботинки? Стирать дамские панталоны?

— Да, если того требуют его обязанности! Еще одно слово — и практика тебе не понадобится. Свободен!

Одно хорошее во всем этом — сам посмотрю на те места, где половину тысячелетия назад мои предки добыли титул в прямом смысле собственной кровью. В той битве, когда решалось, останется ли наш мир прежним или станет лабораторией безумного некроманта, которым до сих пор пугают детей.

И будущих боевых магов, ха! А ведь я и половины записей из дневника первого нобиле Фальконе не пересказал!

Вон, до сих пор дышит неровно. А может, просто запыхалась. Выскочка семенила следом, никак не поспевая за моим широким шагом. Ничего, нам обоим только на пользу пойдет размяться после почти суток в дороге.

За спиной снова вспыхнул огневик, озарив грязь, по недоразумению называвшуюся улицей. Через несколько мгновений он погас, сделав тьму еще более непроглядной. Ну вот и зачем, спрашивается, так бездарно расходовать магию?

Я демонстративно щелкнул пальцами, сотворяя заклятие «кошачьего глаза».

Черное ночное небо стало темно-синим, разноцветные звезды превратились в яркие белые искорки. На миг их перечеркнула стремительная тень летучей мыши. Сейчас я мог видеть каждую шевельнувшуюся на ветру травинку, чересчур зеленую. Не говоря уж о лужах в дорожной колее.

На самом деле это заклинание не требовало жестовой составляющей, просто хотел привлечь внимание малютки Ардженте. Круглая отличница, декан вон за нее просил, а толку? Простейших вещей не знает! Может, и хорошо, что меня с боевого выперли: судя по этой выскочке, все равно ничему толковому бы не научился.

Выскочка приостановилась. Потянулась к магии, выпустила ее.

— Нобиле Фальконе, не могли бы вы повторить это плетение?

Я смерил ее взглядом.

— А что мне за это будет?

Она, кажется, онемела на пару мгновений.

— Вы должны мне помогать! — выпалила наконец.

— Разве я отказываюсь?

— Ну так покажите еще раз!

— Денщика назначают для выполнения хозяйственно-бытовых обязанностей, — начал цитировать я. — Как-то: доставка корреспонденции, посылки, приготовление пищи при необходимости...

— Упаси меня Семеро есть что-то из ваших рук, — буркнула она. — Подсыплешь чего-нибудь...

А вот это уже оскорбление, и когда-нибудь я его припомню. Но пока я только улыбнулся:

— Как будет угодно. А также...

— Уборка, стирка одежды, а также оказание всяческого содействия и выполнение личных поручений при необходимости, — перебила она меня.

Да, эта зараза действительно заучка, ишь шпарит по уставу.

— В рамках основных обязанностей: согревать вам постель я не должен, — закончил я за нее.

Заучка хватанула ртом воздух, я продолжал, будто не заметив:

— Каковые обязанности, как мы уже выяснили, сводятся к хозяйственно-бытовым и не относятся к обучению. И которые я вовсе не отказываюсь выполнять. Позвольте вам помочь, маэстра Ардженте.

С этими словами я потянул на себя ее саквояж. Как я и ожидал, малявка вцепилась в ручку мертвой хваткой. Я позволил ей дернуть его, придержал на полмгновения дольше, чем следовало, до того как выпустить.

Высочка меня разочаровала — вместо того, чтобы в прямом смысле сесть в лужу, только пошатнулась и почти моментально восстановила равновесие.

Фыркнула, и я едва успел зажмуриться, когда взлетел еще один огневик. Но и сквозь закрытые веки свет, многократно усиленный заклятьем ночного зрения, ослепил. Пока я моргал, прогоняя разноцветные круги перед глазами, высочка, как и положено высочке, усккала вперед.

Ладно, один-один. Так даже интереснее.

Вскоре впереди замаячил фонарь дозорного поста. На самом деле гарнизон был не так уж далеко от последнего жилого дома, просто в первый раз незнакомый маршрут всегда кажется дольше, тем более в темноте и через пустырь.

Я замедлил шаг. Малютка обернулась.

— Почему вы отстаєте, нобиле Фальконтэ? Не спешите приступать к практике?

Я не стал отвечать на эту подначку. Оглядел себя. Дернул же меня кардис вырядиться в дорогу! Хотел утереть нос высочке, а на самом деле только себя выставил на посмеище. Еще и испачкался, как свинья. Благородному нобиле не к лицу являться на службу в таком виде. Ничего, сейчас исправлю.

Галстук сам по себе завязался в идеальный узел, вернули твердость накрахмаленные углы воротничка. Исчезли пятна со штанов, и ботинки засверкали, как и положено обуви приличного человека. Подумав, я добавил заклятье от грязи, чтобы, пока дойду до помещения, не запачкаться снова. Широко улыбнулся малютке.

— Готов служить, маэстра Ардженте.

Любо-дорого было посмотреть, как вытянулось ее личико. Высочка обиженно засопела и потребовала:

— Приказываю тебе сделать меня чистой!

Глава 5

Леон

— Как прикажете, маэстра Ардженте, — поклонился я.

Она просияла.

Я скрутил вихри воздуха с водой, обрушил на нее. И потребовались все мои силы, чтобы удержать каменное лицо, когда эта мелочь выставила щит. Идеально выстроенный щит, по которому и вода, и ветер стекли, не коснувшись ее.

— Что это было? — взвизгнула она. — Как ты... ты...

Она начала собирать огненный шар.

— Вы приказали сделать вас чистой, — улыбнулся я, готовый в любой момент доказать, что мои щиты не хуже. — Вы не уточнили, каким именно образом. Заклинание большой стирки сделало бы идеально чистым ваше белье...

Она раскрыла рот, явно забыв все слова, а я продолжал:

— ...одежду и обувь. А заклятье иссушающего ветра...

— ...превратило бы меня в пугало!

Она подскочила ко мне, задирая голову и сжимая кулачки. Того и гляди бросится.

Храбрая, конечно, но кроме храбрости у боевого мага должны быть еще и мозги... Я мысленно хмыкнул, поняв, что эту претензию могу адресовать и сам себе.

Высочка все же не набросилась на меня. Прошипела что-то неразборчивое и двинулась к гарнизону, впечатывая в грязь каждый шаг с таким видом, словно вдавливала каблучки в мою физиономию.

— Кто? — окликнул караульный.

— На практику, — подал голос я.

— Направление!

Я протянул направление. Не знаю, чем руководствовался ректор, приказывая забрать его у секретаря именно мне. Я добавил:

— Нам приказано явиться к нобиле Ротонде.

Где-то на краю сознания крутилось, будто я слышал эту фамилию. Но припомнить не получалось, и я бросил бесполезные попытки. Каких только фамилий я не слышал в академии!

Солдат вгляделся в руны.

— Ардженте Г. Боевой маг. Фальконте Л. Бытовик. Казарма для магов вон там. — Он махнул рукой. — Не перепутайте с солдатской. Там спросите нобиле Орсини, лейтенанта, с ним и поговорите, а он уж и решит, стоит ли вас к капитану пускать. Невелики вы птицы, чтобы нобиле Ротонде сам до вас снисходил.

Высочка вспыхнула, да и я едва удержал невозмутимый вид. Сидит тут, караулит прошлый годний снег, а туда же, пуп земли! Она открыла рот, я молча сжал ее локоть и потащил к казарме.

— Вы боевой маг или базарная торговка? — прошептал я, одновременно выплетая вокруг нас тишину.

Она встрепелась, собралась возмутиться... Вспомнила, кто произнес эти слова в прошлый раз, и заткнулась. Только выдернула локоть из моей руки. Может, дойдет, что иногда куда достойней будет просто проигнорировать нахала. Не огрызаться же в ответ каждой шавке из подворотни!

К слову, в столичном гарнизоне с караульного за такое шкуру бы спустили — отправить посетителей без присмотра бродить по территории. Мало ли кем они назвались, и мало ли какие бумажки у них в руках!

Казарма выглядела так, как и должна выглядеть казарма в глуши. Полдюжины кроватей, стоящих изголовьями к стене, в ногах — сундуки для личных вещей, одинаковые одеяла, наверняка колючие. На стенах приклепленные картинки с полураздетыми девицами, при виде которых выскочка зарделась.

В глубине комнаты стоял большой стол. Двое играли в кости, остальные четверо, собравшись стоя вокруг стола, азартно поддерживали игроков. Запах свежего пива и копченой колбасы защекотал мне нос, в ответ желудок скрутился в тугий узел и позорно заурчал. Хорошо хоть, никто не услышал, потому что в этот самый момент один из наблюдавших за игрой поднял голову и, увидев нас, не слишком вежливо полюбопытствовал:

— Чего надо?

Ефрейтор, как и остальные здесь, кроме лейтенанта, которым оказался один из игроков. Он отодвинул любопытного, внимательно на нас глядя.

— Прислали, значит, практикантов. Давай сюда направление, все равно игра сегодня не прет.

Я молча протянул лист, лейтенант прочел его, оглядел нас. На месте выскочки я бы провалился сквозь пол под таким взглядом, задержавшимся на разводах грязи по низу штанов, перепачканных ботинках и встрепанных волосах.

— Что ты за бытовик, дорогуша, если выглядишь как пугало? — поинтересовался он. — Вон напарника твоего хоть сейчас с докладом во дворец можно посылать.

Кто бы знал, чего мне стоило не расхохотаться при виде побагровевшей выскочки. А она вскинула подбородок и рявкнула:

— Я — боевик! Маэстра Габриэла Ардженте!

Повисла тишина. Лейтенант еще раз оглядел нас — теперь уже недоверчиво.

— Смешно. Но вы сюда на практику приехали, а не в цирк.

Теперь и все остальные пялились на нас с веселым недоумением. Надеюсь, я лучше владел лицом, чем малютка.

— Леон Фальконте, — поклонился я, сознательно опутив титул. Фамилия моя говорила сама за себя, а если кто ее не слышал — тем хуже для невежды.

— Так вы нас не разыгрываете? — Лейтенант аж приподнялся со стула. — Вот эта пигалица — боевик, а эта орясина — бытовик?

Все заржали. Я стиснул зубы. Оскорбление не достигает благородного мужа, ибо ложь не имеет к нему отношения, а правда оскорбить не может.

Но какой-то коротышка, глумливо улыбнувшись, выдал:

— Ну раз уж нам такого шикарного бытового мага прислали, может, ты нам и подштанники постираешь?

Выскочка хихикнула, и это стало последней каплей.

— Да без проблем, — широко улыбнулся я, сотворяя заклинание старения. Вообще-то его использовали, чтобы быстро разрушить то, что вручную пришлось бы разбирать долго и муторно — мосты, отслужившие свое здания. Или чтобы быстрее вызрел компост. Или чтобы придать благородную патину меди и серебру. — Снимайте.

Пояса шутников рассыпались в труху, как и завязки на подштанниках. Кто-то успел подхватить штаны, кто-то нет. Малютка пискнула и зажмурилась, схватившись ладонями за пылающие щеки. Боевой маг, тоже мне. Щиты кто выстраивать будет?

Взрыв ругани дал понять, что одними щитами не обойтись. Я начал собирать «тенивое поглощение», прекрасно понимая, что против опытного боевика не выстою, а практика уже пошла псу под хвост, когда из-за спины раздался властный голос:

— Что здесь происходит?!

— Господин капитан...

— Молчать! — оборвал все тот же голос. — Вы, двое, налево кругом!

Пришлось подчиниться.

И я наконец понял, где слышал эту фамилию. Он выпускался в тот год, когда я учился на первом курсе. Боевого. И он тоже меня узнал.

— Кого я вижу! Тебя ж выперли за то, что стырил из музея артефакт!

Глава 6

Габ

«Стырил? — Мне на миг показалось, что я ослышалась. — Украл?»

Леон, недобро уставившись на капитана, играл желваками, но в клевете не обвинял и извиниться не просил. Выходит — правда: мой напарник еще и воришка! Ниже падать некуда.

«О великие Семеро, за что мне это?» — мысленно взмолилась я богам, но небеса, как это обычно бывает, безмолвствовали, позволив смертным самим решать свои проблемы.

Капитан Ротондо взял из рук лейтенанта направление, прочитал, прищурился.

— Вот так, значит. Восстановился на бытовой факультет. И, судя по тому, что сослан в задницу мира, ты и здесь не преуспел.

Капитан не стеснялся в выражениях: захудалый гарнизон, расположенный вдалеке от всех крупных городов, быстро избавлял от налета цивилизованности, полученного вместе с личным дворянством и титулом «нобиле».

Видела бы мама сейчас свою дочь! Обляпанную грязью, растрепанную, стоящую среди мужланов, которые держатся за штаны. Она всегда была против того, чтобы я шла на боевой факультет. А ведь когда-то мне придется командовать взводом подобных мужланов и заставлять их слушаться приказов хрупкой девчонки. Пока же я не совладала и с одним нахальным бытовиком.

Кстати, что значит «восстановился на бытовой»? А раньше-то он на каком учился?

После дальней дороги в тряском дилижансе, ночной прогулки по хляби да на голодный желудок голова варилась туго. Мне хотелось есть, а еще больше — спать, или хотя бы присесть на краешек стула и вытянуть уставшие ноги, но я не выкажу слабости перед лицом начальника гарнизона, а особенно перед кадрисовым Фальконе, который выглядел так, будто только что принял ванну, позавтракал и оделся в новый, с иголки, костюм.

Лощеный до кончиков ногтей на своих тонких аристократических пальцах. Гад!

Я нервно пригладила волосы, и жест не ускользнул от пронзительного взгляда капитана Ротонде. Он поглядел на меня, как смотрят на глупого щенка, вывалявшегося в луже, — с жалостью и легкой брезгливостью. И самое мерзкое, что и Леон смотрел с тем же выражением на лице: «Малявка сопли подтирать не научилась, а все туда же — метит в боевые маги».

Я распрямила плечи. Будто это мне чем-то помогло: стала на сантиметр выше, и все равно едва доставала до плеча своего денщика.

— К службе готова! — выдала я традиционную фразу боевика, поступающего в распоряжение командира.

Как положено, вытянула левую руку вдоль тела, правую прижала к солнечному сплетению — источнику силы каждого мага. Пусть я пока всего лишь практикант и не обязана представляться по всей форме, но как еще напомнить капитану Ротонде, что в нашей паре с Леоном — я главная! Я!

М-да, командирский голос еще наработывать и наработывать. Коротышка, только что насмехавшийся над парнем-бытовиком, издевательски засюсюкал:

— У-ти, какого грозного боевика нам прислали! Как бы от страха не описаться!

Служаки захохотали. Вместе с ними Леон. Улыбка от уха до уха! Ничего-ничего, хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Молчать! — рявкнул капитан: видно, мы оба порядком ему надоели. — Все! Вы, nobilis Фальконтэ, остаетесь ночевать в казарме с остальными парнями. Вы, маэстра Ардженте...

Начальник гарнизона пару секунд раздумывал, как быть со мной. Поморщился.

— Сегодня переночуете в каморке сторожевой башни. Постель там имеется. Утром я решу, что с вами делать.

Что с нами можно делать, кроме того как определить каждому его должностные обязанности? Очень не понравилась мне эта вскользь брошенная фраза.

Капитан Ротонде проводил меня по крутой винтовой лестнице к круглой комнатухе, расположенной наверху. Часть помещения отгородили под комнату отдыха, где караульные спали по очереди. Здесь меня и поселили.

В каморке не было ничего, кроме деревянных нар, застеленных серым одеялом. Не имелось ни постельного белья, ни подушки. Из узкого окна немилосердно дуло. Можно было набросить на бойницу заклятие «пузыря», огородившись от ветра, но оно продержится лишь до тех пор, пока я не усну.

«Ты будущий боевой маг, Габи, — напомнила я себе, когда маленькая девочка внутри меня капризно потребовала горячую ванну, горячую похлебку и мягкую постель. — А значит, должна с достоинством выносить тяготы и лишения службы!»

Я шмыгнула носом, завернулась в колючее одеяло, свернулась на жесткой лавке и, удивительное дело, всего через несколько минут провалилась в сон.

«Надеюсь, Леон, тебя все-таки заставят стирать портки!» — злорадно пожелала я, засыпая.

Казалось, только закрыла глаза, как мальчишка-посыльный пришел меня будить, чтобы пригласить на завтрак.

Шея затекла, спина за ночь одеревенела. Волосы превратились едва ли не в воронье гнездо. Немногочисленные девушки, учившиеся на боевом факультете, стриглись коротко или же заплетали волосы так крепко, что ни одна волосинка во время тренировок не выбивалась из прически. Но мои густые непослушные пряди так и норовили выйти из-под контроля. Пока я с ними не совладала.

Моя дорожная одежда... Я мысленно застонала. Грязь запеклась коркой, брюки будто корова жевала. Как в таком виде явиться к командиру?

— Пришли ко мне моего денщика! — решила я и упрямо вскинула подбородок.

Леон явился минут через двадцать.

— Я давно послала за вами. Где вы были? — прошипела я.

— Вам подробно рассказать обо всех моих перемещениях? — невозмутимо поинтересовался он. — Первым делом — мои естественные нужды...

— Замолчите! Замолчите немедленно! И сделайте что-нибудь с этим!

Я указала на измятую и испачканную одежду. Совсем забыла, что в случае с этим несносным бытовиком нужно держать ухо востро и следить за каждым словом.

— Хм, с радостью услужу!

Повеяло прохладой магии иллюзий. Не знала, что Леон посещает спецкурс бытового факультета, куда берут не всех: магия иллюзий требует слишком много сил, а развеяться может в любой момент.

Не успела я и глазом моргнуть, как обнаружила, что стою в бальном платье с открытыми плечами, из-под подола которого по-прежнему высовываются сапоги в потеках рыжей глины. Леон развел руками: мол, вся магия ушла на платье, уж не обессудь.

Я втянула воздух сквозь сжатые зубы. Только бы его не придушить! Великие Семеро, не позволяйте мне пришить этого болвана.

Лучше бы я переоделась в одежду, которую взяла с собой. По крайней мере она была чистой, пусть и мятой. Но сейчас уже поздно: что бы я ни надела, все увидят платье. Шикарное платье из голубого атласа с глубоким декольте.

— С-спас-сибо, — прошипела я, разве что ядом не плюнула.

Подхватила подол и, призвав на помощь всю свою выдержку, отправилась вниз.

Глава 7

Габ

Я внутренне готовилась к усмешкам и многозначительным взглядам, но, удивительное дело, бальное платье поверх сапог не произвело того фурора — в плохом смысле слова — которого я опасалась.

Капитан и лейтенант за столом отсутствовали, служаки выглядели странно притихшими, молча поглощали комковатую кашу и отчего-то избегали прямых взглядов на Леона. Только насмешливый коротышка не удержался от подковырки:

— Фу-ты ну-ты, да вы никак на званый ужин принарядились. А у нас, прощения просим, все по-простому. Не обессудьте уж, отведайте, что Семеро послали.

Он картинно развел руками. Служаки заухмылялись, но как-то тухло. Непонятно. Однако я была вовсе не против, чтобы меня оставили в покое хотя бы во время завтрака.

Потянула стул, но он, зараза, оказался тяжеленный, из цельного дерева. Ножки душераздирающе заскрежетали по полу.

— Какая вы беспомощная, — пробормотал под нос мой несносный денщик.

Ухватил стул за спинку и одним движением отодвинул его, предлагая садиться. Я вспыхнула от злости. Ничто так не задает, как горькая правда. Я ощутила себя слабой растерянной девчонкой. Ну уж нет, так просто я не сдамся.

Уселась, будто так и надо. В конце концов, разве это не прямые обязанности Леона — прислуживать своему магу?

— А теперь подай мне каши. Или... что там на завтрак? — И я, тщательно подбирая слова, перечислила, что и каким образом он должен сделать.

Ты упрямый, но я тебя переупрямлю. Заметила краем глаза, как переглянулись служаки, во, мол, как она его тренирует! Кажется, одобряли!

Я посмотрела на Леона. Показалось, что снобище слегка взбледнул от сдерживаемой ярости. Отличненько!

Дождалась, пока бытовик принесет поднос с ячменной кашей, яичницей и бодрящим отваром черновника, и, пока он отточенными движениями расставлял передо мной тарелки и выкладывал приборы, миленьким тоном поинтересовалась:

— Так что это вчера был за пассаж? Я думала, ты дамский угодник, а ты с мужиков штаны снимаешь.

Леон как раз наклонился, чтобы положить чайную ложку. Он уставился на меня жгучим взглядом темно-карих глаз, казавшихся черными омутами на побледневшем лице. Под глазами залегли тени. Неужели я его так задела? Ого! Некоторое время мы сверлили друг друга взглядами. Я сглотнула и выдавила:

— Благодарю.

Леон скуп кивнул и отошел.

Будет знать, как меня злить и наряжать в нелепые платья. Он-то провел ночь в тепле, на удобной постели, в отличие от меня.

Я успела поесть и сделала несколько глотков черновника, когда явился денщик начальника гарнизона.

— Нобиле Фальконте, маэстро Ардженте, капитан Ротондо ждет вас в своем кабинете.

Внутренности скрутились в узел от волнения. Я нервно подскочила, собираясь оправить форму, вспомнила про платье и мысленно застонала. Остается перед лицом начальника сделать вид, будто ничего необычного не происходит.

Нобиле Ротондо работал, сидя за столом. Он услышал шаги, вскинул голову и... Клянусь, я такого никогда прежде не видела: его круглые глаза едва не выскочили из орбит от удивления.

— Это... Хм... Что сие означает, маэстра Ардженте? — Он потер висок, наверняка про себя проклиная всех практикантов вообще и девушек-боевиков в частности. — Впрочем, неважно. Подойдите оба.

Перед капитаном лежала бумага, которую он только что закончил писать. На наших глазах он взял печать и поставил оттиск. Забрезжила призрачная надежда, что начальник гарнизона решил избавиться от обузы в нашем лице, просто подписав практику.

— С этим документом вы поступите в распоряжение старосты деревни Кранивилья.

Кранивилья, Кранивилья... Смутно знакомое название... Точно, ее упоминали на лекции по истории магии, когда рассказывали о темных временах. Деревушка, затерянная в предгорьях. Люди там селились задолго до противостояния с Кардисом Морте, да так и остались там жить уже после великой битвы. Последний оплот цивилизации: дальше лежала пустошь.

— Он несколько раз отправлял запрос на боевого мага с жалобой, что домовые расшались.

Я невольно прыснула. Капитан вперил в меня суровый взгляд.

— Да, маэстра Ардженте, это все невежество и предрассудки, но мы обязаны проверить. Практику проходить будете в деревне.

Серьезно? Это больше напоминало ссылку ненужных в гарнизоне студентов. Вроде как и при деле, и в то же время перед носом не маячат.

— Позвольте обратиться, капитан... — начал Леон.

— Не позволяю! — рявкнул капитан. — Вы вообще не имеете права голоса, денщик.

Все решено, объясняться бесполезно. Может, и к лучшему? Не думаю, что в гарнизоне для меня нашлось бы толковое занятие. В деревушке, конечно, тоже тоска и скука смертная, но вдруг да отыщется захудалая нечисть, на которой я потренируюсь.

— Вас отвезет маэстро Скварчопули, житель деревни. Он приезжал в Вальтремо за мукой и любезно согласился подбросить вас до места прохождения практики. Я буду ждать ваших отчетов каждые две недели.

— Отчетов, как мы искали в горах пропавших овец... — негромко, ни к кому не обращаясь, но очень явственно выдал Леон.

Капитан Ротондо хлопнул раскрытой ладонью по столу, отчего лист с распоряжением подпрыгнул в воздух. Кажется, мы его порядком достали.

— Вам, нобиле Фальконте, нужно научиться смирять гордыню. Надеюсь, практика пойдет вам на пользу. А вам, маэстра Ардженте...

Взгляд начальника задержался на декольте платья, капитан издал странный булькающий звук и продолжать не стал. Видно, решил, что я безнадежна. Как мило.

Он протянул мне документ.

— Свободны.

Раздолбанная телега маэстро Скварчопули подпрыгивала на ухабах. Я ежеминутно чихала от мучной пыли, поднимающейся в воздух после каждого прыжка. Спасибо хоть ко мне вернулся дорожный костюм — пусть мятый, грязный, зато мой.

Леон безмятежно дрых, устроившись на мешках. Ну что за человек! Я чихаю, чешусь и обливаюсь потом, а он спит себе как ни в чем не бывало.

Глава 8

Леон

Прав был отец, когда говорил, что любой поступок — будто камень, упавший в воду, от которого непременно разойдутся круги. Когда капитан велел мне ночевать в казарме, солдаты заухмылялись, запереглядывались. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: за унижение они отыграются.

Да и кто бы на их месте не отыгрался?

Прав был отец, когда говорил, будто неблагоприятные поступки остаются в памяти людской куда дольше хороших, а если ты нобиле, то и твоим детям припомнят, и молись, чтобы к внукам забыли. Как с тем артефактом, чтоб ему пропасть!

Едва за спинами выскочки и капитана закрылась дверь, все лица обернулись ко мне.

— Так ты, значит, не просто наглый сопляк, но и воришка? — шагнул ближе все тот же коротышка.

Я отступил — не потому, что испугался, а чтобы все оставались в поле зрения.

Проскрежетал засов на двери. Значит, лейтенант с ними заодно. И это вместо благодарности за то, что его штаны остались при нем!

Еще шаг назад.

— А воришек следует учить, — поддакнул коротышке высокий и худой как жердь товарищ.

Вместе они смотрелись ужасно потешно — если бы у меня было время потешаться. Потому что и остальные двинулись ко мне.

— Погодите-ка, — окликнул их лейтенант.

Я напрягся, готовясь отражать магическую атаку. Но он вытащил из вделанного в стену ящика горсть амулетов на простых кожаных ремешках.

Солдаты расхватили их вмиг. Пока они возились, надевая на шеи амулеты, я отступил к самой двери: тут-то ко мне точно со спины не подберутся.

Лейтенант демонстративно сложил руки на груди и уставился на меня немигающим взглядом.

Я прислонился спиной к двери, но опираться не стал: отодвинет магия засов, и я кувыркнул. Тут меня тепленьким и возьмут. Судя по ухмылкам на рожах, вряд ли эти ребята успокоятся, просто выпихнув меня ночевать на улице. Убить не убьют, конечно, отвечай еще, но морду начистят. Потом хвастаться будут, что нобиле побили.

Они надвигались не торопясь, давая мне возможность оглядеться, оценить ситуацию и испугаться. Им-то вдевятиером ничего не страшно, кроме магии, а за ней лейтенант присмотрит. Да и не стал бы я первым бить боевым заклинанием. Не на войне же.

Пугаться я тоже не стал.

— Не боитесь снова без штанов остаться? — улыбнулся я.

В животе словно прорастал ледяной кристалл, но этот лед странным образом прояснял мысли, будто остуженная им кровь, достигнув мозга, смыла все не относящееся к делу.

Потерять штаны второй раз они не боятся. Потому что лейтенант раздал им антимagicеские артефакты из гарнизонных запасов. Простая железная бляха с кое-как вделанным обсидианом — этого добра здесь полно со времен Последней битвы, когда магия Кадриса с приспешниками поднимала и пробуждала вулканы. И сами артефакты, похоже, раритет тех времен, когда все ждали, что зло вот-вот возродится. Ведь с некромантами никогда не поймешь, совсем он покойный или временно...

Удивительно, что зачарование на амулетах до сих пор не рассеялось. Каждый по отдельности — ерундовый, даже мои заклинания ослабит хорошо если на четверть. Однако так просто штаны уже не снять, да...

Получалось, единственный разумный выход — сбежать. Либо отгородиться щитами и ждать, пока не вернется капитан. Или не наступит время завтрака. Или еще что, способное отвлечь солдатню от мыслей о мести. Меня передернуло от унижения: я, потомок двадцати поколений боевых магов рода Фальконтэ, должен сидеть отгородившись щитом от каких-то вилланов и ждать, когда меня спасут!

Но не убивать же их!

Впрочем...

Под ногой того, кто оказался ближе всех ко мне, рассыпался в труху участок пола. Солдат, ойкнув, провалился, рядом еще один.

— Достал, сопляк, — прошипел лейтенант, запуская в меня сонным параличом.

Зеркальный щит собрался почти мгновенно. Заклинание отразилось и понеслось в лейтенанта. Тот успел удивленно вытаращить глаза и даже схватиться за магию — и обмяк под действием своих же чар. Стоявший рядом бугай поймал его.

Я тихонько выдохнул: повезло; если бы лейтенант рухнул на пол и ударился головой, мог бы и сотрясение заработать, а то и что похуже. Я-то действовал бездумно. Гувернер, учивший меня собирать щиты, бросал не безобидное сонное заклинание, а крапивный ожог, который потом полдня чесался. Пришлось быстро наловчиться.

— Ты что сделал?! — рыкнул бугай, дополнив фразу многоэтажной конструкцией.

Я свернул вокруг себя еще парочку щитов — в этот раз против простых предметов. Вовремя, потому что, пока я отвлекался на бугая, еще один солдат, невзрачный и неприметный, подскочил и двинул мне под дых.

Попытался двинуть. Завопил, когда кулак влетел в щит: еще бы, с таким же успехом можно было со всей дури стену лупить. Тут же заткнулся, испуганно глянув мне за плечо.

Я на такую простую подначку не повелся. А может, это и не было подначкой, и смотрел он в сторону капитанского жилища. Вряд ли командир гарнизона погладит их по головке, когда узнает о попытке отлупить нобиле Фальконтэ. Наверняка они решили, что скажут, будто я первый полез и им пришлось защищаться, а капитан поверит им, а не залетному «сопляку», но для этого нужно, чтобы их не поймали на горячем.

Вот только Ротонде — нобиле, ха! — дураком не был. Я-то с практики уеду, а он потом может с карьерой проститься. Будет до пенсии в этой дыре сидеть, если нажалуюсь деду.

Впрочем, жаловаться я тоже не собирался.

Остальные солдаты, хоть магами и не были, щит разглядели и выводы сделали. Выстроились полукругом и смотрели на меня, будто псы на взобравшегося на дерево кота, только что не лаяли. Одному бугаю не до меня было — тряс лейтенанта, лупил по щекам.

— Вряд ли командиру понравится, что ему набили морду, — снова ухмыльнулся я.

— Что ты с ним сделал? — повторил бугай.

Я пожал плечами.

— Ничего.

Солдат взорвался выражениями, которые не стоило бы повторять при малютке. Хорошо, что ее здесь нет. А может, наоборот, плохо: поняла бы, что боевой маг — это не только личное дворянство и пенсия по выслуге лет. Но несколько фраз я, пожалуй, запомню: как заворачивает, заслушаешься!

— Его сонный паралич отразился от моего щита, — соизволил я пояснить, когда бугай иссяк. — Без магии вы его не разбудите, пока заклинание не развеется. Время зависит от силы мага, уменьшим на потери при отражении и коэффициент... — Я демонстративно закатил

глаза, делая вид, будто подсчитываю, и одновременно собирая еще одно заклинание сонного паралича. — Часов через двенадцать.

На самом деле считать мне было лень, а чары развеялись бы часа через три, если бы я сверху свои не наложил. Добавил зато от души, не жалея сил, чтобы дольше поспал. Отдохнет, может, поумнеет немного.

— Разбуди его немедленно! — вмешался длинный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.